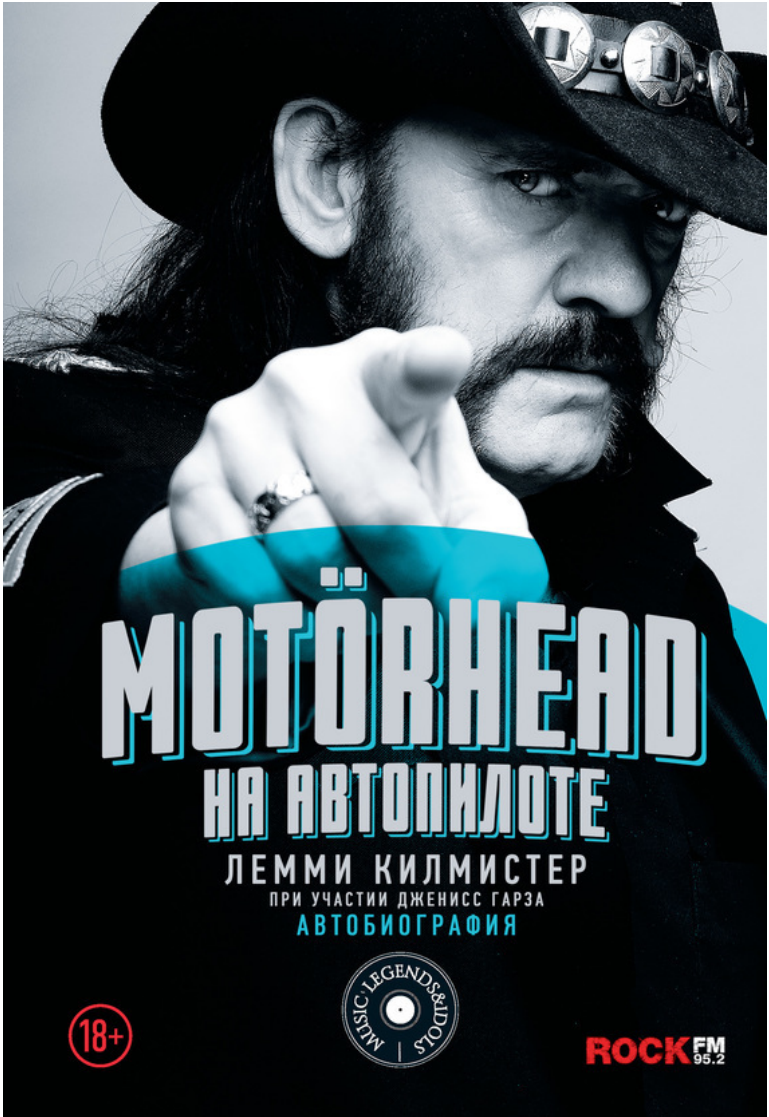
MÖTÖRHEAD
НА АВТОПИЛОТЕ
ЛЕММИ КИЛМИСТЕР
ПРИ УЧАСТИИ ДЖЕНИСС ГАРЗА
АВТОБИОГРАФИЯ
18+
MUSIC·LEGENDS&IDOLS
ROCK FM 95.2

Лемми Килмистер
Motörhead. На автопилоте
Серия «Music Legends & Idols»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051953
Л. Килмистер. Д. Гарза. Motörhead. На автопилоте: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-098021-5

Аннотация

В своей книге Лемми Килмистер рассказывает о невероятном, бросающем вызов путешествии по миру музыки. Он хотел обмануть смерть, и не один раз. Пожалуй, самый известный случай произошел в 1980 году, когда его врач сказал: «Я не могу сделать тебе переливание крови, потому что обычная кровь тебя просто убьет… И твоя кровь убьет другого человека, потому что это уже другое вещество, настолько токсичное». Но после этого Лемми прожил еще три десятилетия, чтобы рассказать без прикрас о прожитой жизни, которая била через край. Часто возмутительные, и всегда необузданные истории лидера самой громкой рок-группы в мире.

Содержание

Предисловие 5
Пролог 10
Глава 1. Козерог 15
Глава 2. Ветер в голове 31
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Лемми Килмистер, Дженисс Гарза
Motörhead. На автопилоте

Lemmy Kilmister
Janiss Garza
White Line Fever: The Autobiography

© Ian Kilmister and Janiss Garza, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Эта книга посвящается Сьюзан Беннетт, которая, возможно, и была той единственной.

Предисловие

Лемми умер четыре месяца назад, и вот уже неделю я пытаюсь придумать, что написать в этом предисловии. После смерти Лемми мне выпала честь много рассказывать о нем, о моем знакомстве с ним и о том, как сильно он повлиял на мою жизнь. Мне предстояло произнести речь на вечере его памяти, и я, повинуясь чувствам, набросал ее в очень свободной, естественной манере… а теперь мне надо написать что-то более связное, и это нелегкая задача.

Перечитав то, что я говорил в тот день, я почувствовал, что уже не смогу лучше выразить свое уважение, восхищение и любовь к Лемми. Поэтому я попросил редактора этой замечательной книги позволить мне просто повторить в предисловии те самые слова, вместо того чтобы переписывать и портить их. Так вот…

Тридцать четыре года назад, в июне 1982, в Западном Голливуде, я заблевал сам себя с головы до ног. Важно тут не то, что я блеванул. Увы, тинейджером я блевал частенько. Я находился в номере Лемми в отеле Sunset Marquis, было четыре часа дня, а вечером ему предстояло играть самый большой концерт американского тура Iron Fist, в котором Motörhead были хедлайнерами. Через пять часов он должен был выйти на сцену, а пока я с ним выпивал и общался. Неловкий восемнадцатилетний сопляк в номере Лемми. Вот что было

действительно важно.

В конце 70-х я часами болтался перед отелем «Плаза» в Копенгагене, чтобы встретиться с моими любимыми рокерами. Ричи Блэкмор, Ронни Дио, Фил Лайнотт, Робин Трауэр, Пол Стэнли и многие другие – все они любезно давали автографы, разрешали с собой сфотографироваться, могли пятнадцать секунд поболтать ни о чем… вот, собственно, и все.

Потом я переехал в Америку, жил в Южной Калифорнии, и главной музыкой в моей жизни стали Motörhead. Я буквально дышал каждой их нотой, каждым словом, которое пел Лемми, каждой байкой, которую он рассказывал в интервью. Когда они впервые приехали в Америку – в 1981 году, на разогреве у Оззи – я, конечно, был вне себя от радости и решил всю ту неделю следовать за ними по Калифорнии.

Так я за ними и ездил из города в город, туда-сюда по пятой автомагистрали – мальчик-фанат, финальная стадия. Но с ними все было по-другому. В отличие от рок-звезд, которых я подстерегал когда-то в Копенгагене, Motörhead приняли меня с распростертыми объятьями – и в первую очередь сам Лемми. Никакой заносчивости, никакой пустой болтовни, только чтобы от меня отделаться. От меня не требовалось по-быстрому сфоткаться и отвалить. Это было совсем другое отношение, другие правила игры. На первом же концерте меня пригласили в их святая святых – в гримерку, в гастрольный автобус, и где я только не побывал с ними в ту неделю: в отелях, в барах, в придорожных забегаловках. Ме-

ня пускали везде. И всегда меня привечали, и чувствовалось, что этим ребятам на меня не наплевать. Лемми был потрясающе радушным – лучший в мире хозяин на вечеринках, – он взял меня под крыло и дал мне почувствовать, что я принадлежу к чему-то несоизмеримо большему, чем я сам.

Месяц спустя мне пришлось путешествовать дикарем по Англии – я ехал на стадион Port Vale, где намечался сборный концерт под названием Heavy Metal Holocaust, и Motörhead были там хедлайнерами. Тем летом у них вышел альбом No Sleep 'Til Hammersmith – он сразу занял первое место, и они были самой крутой группой в Европе. Все билеты на этот концерт были распроданы, а тут я – без билета, ни гроша за душой. Но не прошло и пятнадцати минут, как я уже оказался за сценой в «штабе» Motörhead, где Лемми снова принял меня с распростертыми объятьями и вспомнил наши подвиги в Калифорнии месячной давности. Это был самый большой концерт того лета в Англии – но у Лемми нашлось время для меня.

Перенесемся еще на месяц позже – Лондон, репетиционная база Nomis. Я как-то прознал, что ребята работают там, и направился прямиком к ним – и снова, не веря своему счастью, я в считанные минуты оказался в маленькой комнате, смотрел во все глаза и слушал, а прямо у меня перед носом Лемми, Быстрый Эдди и Фил «Грязное Животное» Тейлор сочиняли песни для альбома Iron Fist. Мы четверо в одной комнате. Ебануться можно.

Эти события круто изменили мою жизнь – словами этого не описать. Именно поэтому летом 1981 года я захотел играть в группе, создать группу, быть музыкантом, быть частью группы, коллектива, быть частью рок-н-ролльного бродячего цирка и, быть может, однажды в свою очередь гостеприимно открыть двери другим неловким, неприкаянным ребятам, которые, надо надеяться, встретятся нам в пути. За свою карьеру я дал несколько тысяч интервью и всегда называл Лемми и Motörhead своим главным источником вдохновения – нашей музыкой и нашей жизненной позицией мы обязаны им, именно с них мы лепили свое восприятие мира, свое мировоззрение.

Так что спасибо тебе, Лемми, за то, что помог мне стать собой. Спасибо за открытую дверь, за музыку, за бухло, за смех, за байки, за то, что ты никогда не судил меня и дал мне почувствовать себя частью чего-то большего, чем я сам. И еще спасибо тебе за то, что ты никогда не перегибал палку: ты был рок-звездой ровно в той степени, чтобы быть крутым, и ни каплей больше.

И да, спасибо тебе за то, что сфотографировал меня тогда в своем гостиничном номере – в июне 1982 года, заблеванного с головы до ног, – и поместил эту фотографию на внутренний разворот своей следующей пластинки[1]. Это величайшая честь, которую ты мог бы мне оказать. Я всегда буду ис-

---

[1] На самом деле эта фотография пригодилась позже: речь идет об альбоме Orgasmatron 1986 года, см. ниже (*здесь и далее примечания переводчика*).

пытывать благодарность за то, что знал тебя, и с гордостью говорить о том, как много ты значил для меня и как вся твоя жизнь и твоя крутизна вдохновляют меня уже 37 лет.

Ларс Ульрих, 25 апреля 2016

Пролог

Я родился под Рождество 1945 года, и звали меня тогда Иэн Фрейзер Килмистер – недель на пять раньше срока и с прекрасными золотистыми волосами, которые, к вящему веселью моей странноватой матери, выпали через пять дней. Ни ногтей, ни бровей, и еще я был ярко-пунцового цвета. Мое первое воспоминание – как я кричу. Отчего и почему – не знаю. Скорее всего, обыкновенная детская истерика. А может быть, репетиция. Я всегда был молодой да ранний.

Отец был не рад. Наверное, можно сказать, что мы с ним друг другу не понравились: он ушел из семьи через три месяца. Может, все дело в выпавших волосах. Может быть, он решил, что я слишком рано начал ему подражать.

В войну отец был капелланом в Королевских ВВС, а мать – хорошенькой юной библиотекаршей, которая понятия не имела, что священники страшные лицемеры. В смысле – вы учите, что Спаситель был сыном жены какого-то бродяги (к тому же девственницы!) и *духа*? И это – основа мировой религии? Вот уж не знаю. По-моему, если Иосиф поверил в эту байку, то в яслях ему самое место!

В общем, я по отцу не особенно скучал, ведь я его даже не помнил. К тому же мама с бабушкой страшно меня баловали.

Я встретился с ним через двадцать пять лет в пиццерии на Эрлс-Корт-роуд: похоже, угрызения совести довели его

до горячки и он решил «помочь мне». Мы с мамой решили: авось вытрясем что-нибудь из этого сукина сына! Так что я пошел знакомиться с этой жалкой личностью. Я предвидел, что дело гнилое, и оказался прав.

Я сразу его узнал – правда, он как будто стал меньше, но ведь и я подрос. Меня встретил сутулый сморчок в очках и с большой плешью.

Наверное, для него это была неловкая ситуация – уйти из семьи, которую он вообще-то должен был поддерживать, и затем двадцать пять лет от него ни слуху ни духу… конечно, ему было неловко. Но кому по-настоящему было неловко, так это моей маме: ей-то пришлось растить меня в одиночку, да еще и бабушку кормить!

Он говорит:

– Я хотел бы помочь тебе с карьерой – наверстать упущенное, ведь я не был тебе хорошим отцом.

Ха! Я ответил:

– Облегчу тебе задачу. Я играю в рок-группе, и мне нужно кое-какое оборудование (а у меня как раз опять усилитель барахлил) – купи мне усилитель и пару кабинетов, и мы квиты, идет?

Помолчав, он произнес:

– Так-так…

Очевидно, он не был в восторге от такого плана.

– Музыкальный бизнес дело ненадежное.

Кажется, в свое время он был отличным пианистом. Но

его время прошло.

– Ага, – ответил я, – знаю, но я этим зарабатываю.

Это была неправда – во всяком случае, на тот момент.

– Я думал оплатить тебе какое-нибудь обучение – вождение, техника продаж. Ты мог бы стать торговым агентом или… – он умолк.

Теперь уже я был не в восторге.

– Иди в жопу, – сказал я и встал из-за стола. Ему повезло, что нам не успели принести большую пиццу в честь нашей исторической встречи, а то она стала бы его новой шляпой. Я вышел обратно, в безотцовщину. После разговора с ним улица показалась мне чистой – и это Эрлс-Корт-роуд!

Кстати, о двуличных ублюдках: мою группу, Motörhead, в 1991 году номинировали на «Грэмми». Щедрый подарок от музыкальной индустрии. Так что я сел на самолет – из Лос-Анджелеса до Нью-Йорка пешком идти далековато. В кармане у меня была пинта Jack Daniel's – помогает протрезветь. Мы элегантно вырулили на залитую солнцем взлетную полосу, я сделал глоток виски и предался приятным мыслям о том о сем.

Тут раздался голос:

– Дайте мне эту бутылку!

Я поднял глаза. Стюардесса – волосы как из бетона и рот жопкой – повторила как попугай:

– Дайте мне эту бутылку!

Уж не знаю, как поступил бы ты, достопочтенный чита-

тель, но я купил эту чертову бутылку и заплатил за нее деньги. Хрен я ее отдам. Это я ей и сообщил. Ее ответ:

– Если вы не отдадите мне эту бутылку, я высажу вас из самолета!

Становилось интересно – мы были, наверное, пятыми в очереди на взлет, рейс уже задерживался, неужели эта тупая сука задержит самолет из-за пинты Jack Daniel's?

– Ну и пожалуйста, – сказал я. – Убирайте меня на хер с самолета, – ну или что-то в этом роде. И представьте себе, эта кретинка так и сделала! АХАХАХАХАХАХАХА!! Из-за нее куча народа вылетела еще позже, они опоздали на пересадку в Нью-Йорке, и все из-за какой-то пинты освежающего янтарного напитка… Ну и что? Пошла она на хуй! Ишь, раскомандовалась. А я полетел следующим рейсом, через полтора часа.

Торжественный день начинался не очень-то удачно – так он и продолжился. Когда мы добрались до прославленного зала Radio City («дом звезд»!), все щеголяли во взятых напрокат смокингах – вылитые пингвины, – пытаясь ничем не отличаться от тех самых козлов, которые крадут у них деньги! Я сам смокинги не ношу, это не в моем духе. А швейцарам, по-моему, не понравился мой железный крест.

Ну да ладно. Наш первый альбом на лейбле Sony номинировали на «Грэмми», и я неразумно полагал, что ребята с лейбла будут этому рады. Но они этого, похоже, вообще не заметили! Мне так ни разу в жизни и не выпало счастье ли-

цезреть солнцеликого Томми Моттолу: в тот вечер он был очень занят – вероятно, бегал за Мэрайей Кэри по ее гримерке. Я скромный человек: мне вполне было бы достаточно услышать «Привет» или «Хорошо, что вы работаете с нами» или даже «Здорово, чувак». Ничего. *Nada*. В пизду все. Я пошел на вечеринку лейбла Sire. Другое дело. И потрахался.

Так что пошли они все в жопу. Много они о себе понимают!

Глава 1. Козерог

Моя жизнь началась в городе Сток-он-Трент в Западном Мидленде, в Англии. В Сток-он-Тренте объединились шесть городков. Самый неприглядный из них – Берслем, неудивительно, что именно там я и родился. Эти места называют Гончарнями, и земли вокруг города были черными от угольного шлака из печей, в которых делали самую разную посуду – в том числе знаменитый веджвудский фаянс. Повсюду, куда ни посмотришь, уродливые кучи шлака, а воздух грязный от печного дыма.

Примерно когда мой блудный отец ушел из семьи, мы с мамой и бабушкой переехали в Ньюкасл – Ньюкасл-андер-Лайм, неподалеку от Сток-он-Трента. Мы жили там, пока мне не исполнилось шесть месяцев, а затем поселились в Мейдли – очень милой деревне поблизости. Напротив нашего дома был большой пруд, практически озеро, в нем жили лебеди. Красиво, но общество там, конечно, не изысканное.

Мама тащила на себе всю семью, и ей пришлось трудно. Сперва она устроилась медсестрой к туберкулезникам, кошмарная работа: в те дни это было не лучше терминальной стадии рака, и она, по сути, просто провожала пациентов в последний путь. И она повидала детей, которые там рождались: бывали по-настоящему ужасные случаи. Туберкулез что-то делает с хромосомами: мама видела новорожденных с перья-

ми, а у одного была чешуя. В конце концов она оставила это место и работала в библиотеке, а потом некоторое время не работала совсем. Я не очень понимал, как тяжело ей приходится, и решил, что мы как-нибудь да проживем. Потом она работала барменшей, но это уже потом, когда она снова вышла замуж.

В школе у меня сразу начались проблемы. Мы с учителями не сошлись во взглядах: они хотели, чтобы я учился, а я не хотел. В математике я был полный ноль – просто черная дыра. Учить меня алгебре было все равно что разговаривать со мной на суахили, и я быстро оставил всякие попытки ее понять. Я решил, что все равно не стану математиком, так что какая разница. Я постоянно прогуливал – прямо с первого дня и начал.

Мое первое воспоминание о трудной школьной жизни относится к младшим классам. Эта дура хотела учить мальчиков вязанию – должно быть, феминистка. Мне было лет семь, так что смысла в этом было ноль. К тому же она была просто зверь – ей нравилось бить детей. Я совершенно не хотел вязать, потому что это для девчонок и слюнтяев. В те дни слюнтяев еще называли слюнтяями. Это теперь они заправляют всей страной. Я сказал ей, что не смогу этим заниматься, и она ударила меня. Тогда я снова сказал, что не смогу этим заниматься, и через некоторое время она прекратила меня бить.

Впрочем, если начистоту, я думаю, что если ударить ре-

бенка за плохой поступок, ему это только пойдет на пользу: конечно, без причины бить не надо, а только если он что-нибудь натворит. Если ребенок до усрачки боится учителя, он скоро научится вести себя как следует. Мне регулярно доставалось такой специальной математической линейкой в форме молотка, которая висела у классной доски. Учитель заходил тебе за спину – и шмяк по затылку. Позже учитель физики бил нас ножкой табурета. Добротная штука, но я ее так и не отведал, потому что преуспевал в физике. Пока не оставил школу по взаимному согласию.

Если ты здорово получаешь по уху, так, чтобы у тебя еще полчаса в голове звенело, ты больше не будешь заниматься на уроке всяким дерьмом. Ты будешь слушать, что тебе говорят. Так было раньше, но теперь все изменилось. Мне и моим ровесникам это пошло на пользу: насколько я могу заметить, мы сообразительнее нынешнего молодого поколения.

Так вот, когда мне было десять лет, мама снова вышла замуж. Этого мужика звали Джордж Уиллис, и она познакомилась с ним через своего единственного брата – моего дядю Колина. Кажется, они подружились в армии (я имею в виду, Колин и Джордж…). Когда-то он был профессиональным футболистом, играл за «Болтон Уондерерс», а потом, по собственным словам, своими силами добился успеха в бизнесе и стал хозяином фабрики, изготавливавшей пластиковые подставки под обувь для витрин магазинов. Эта фабрика прогорела через три месяца после свадьбы. Своеобразный был

человек. Смешной – обосраться. Его постоянно заметала полиция за то, что он продавал краденые стиральные машины и холодильники прямо из грузовика, но нам он об этом не рассказывал. Он говорил, что едет в командировку: «Дорогая, я уезжаю на месяц», – и садился в тюрьму на тридцать суток. Некоторое время мы ничего об этом не знали, но в конце концов он оказался не таким уж плохим парнем.

Он, конечно, привел в семью двух своих детей от предыдущего брака, Патрицию и Тони. Я был самым младшим, и мне все время доставалось от этих бугаев – новых брата с сестрой. Мои отношения с отчимом были непростыми, потому что для матери я был единственным ребенком в семье. Она дралась за меня, как маленький бойцовый петушок, и отчиму приходилось круто. Целью жизни Патриции было работать в Казначействе (подумать только), и со временем ее мечты сбылись. Тони живет в Австралии, в Мельбурне, у него своя фирма, он занимается пластиком (*я представить себе не мог, что пластик это наследственное!*). Он десять лет служил в торговом флоте и почти двадцать лет не писал нам. Отчим думал, что он умер.

После свадьбы мамы с отчимом мы переехали в его дом в Бенллехе, курортном городке на острове Англси в Уэльсе. Тогда меня и прозвали Лемми – видимо, это что-то валлийское. Я попал в очень плохую школу – единственный английский мальчик среди семи сотен валлийцев: и приятно, и полезно, да? Так что меня зовут Лемми с десяти лет. Конеч-

но, усы у меня были не всегда. Усы у меня выросли только в одиннадцать.

Но я умел развлекаться. Можно было стащить гелигнита и подрихтовать береговую линию Англси. Одна строительная компания ремонтировала все канализационные трубы в городе. Они могли работать только летом – потом становилось слишком холодно. Так что в сентябре-октябре они сворачивались, а вещи оставляли в бытовках. И где-то в конце октября – начале ноября мы с друзьями в них пробирались. Черт возьми, для мальчика лет десяти-одиннадцати это как клад найти! Там были кепки и комбинезоны, гелигнит, детонаторы и фитили – в общем, куча замечательных вещей. Мы цепляли детонатор к фитилю и совали его в гелигнит. Потом вырывали ямку в песке на берегу, совали туда наше изделие, оставляли фитиль снаружи и присыпали песком. Когда все было готово, мы клали сверху камень побольше, поджигали фитиль и уебывали со всех ног. БАБАХ! – и камень взлетал в воздух метров на пятнадцать. Это было круто! Потом я видел, как там, под дождем, стоит толпа людей, они глядели на произведенный ущерб и перешептывались: «Как думаешь, что случилось?» – «Не знаю, может, марсиане?» Что думал местный полицейский – загадка: он слышал весь этот страшный грохот, выходил на берег, а там пол-утеса съехало в море. Когда мы закончили, береговая линия на три километра была не та, что прежде. Но это же все невинные забавы, да? Какой только херней не занимаются школьники, и,

в конце концов, почему бы и нет. Им же так и полагается – злить старших, не давать им расслабиться. А иначе какой в них толк?

Конечно, это все были пустяки по сравнению с моим растущим интересом к противоположному полу. Надо понимать, что тогда, в пятидесятые, никакого «Плейбоя» и «Пентхауса» не было. Все самое интересное было в журналах, где печатали фотографии, скажем, нудистов, играющих в теннис, – «Здоровье и эффективность» и тому подобная херня. Вот каким ужасным был мир в то время. А пятидесятые еще называют веком невинности. К черту невинность, сами попробуйте так жить!

Мое сексуальное воспитание началось рано. К матери приходили, наверное, три дяди, пока не решилось, что один из них будет папа. Я ничего не имел против – я понимал, что ей одиноко и что она работает целый день, чтобы прокормить нас с бабушкой, в общем, я не возражал, если меня отправляли спать пораньше. К тому же я рос в деревне, и всегда можно было увидеть, как люди занимаются этим в полях. И конечно, мне частенько встречались машины с запотевшими окнами: пока парочка перебиралась спереди на заднее сиденье, можно было разглядеть голую ногу или грудь. Тогда было модно надевать две нижние юбки, они кружились вихрем, когда девчонки танцевали джайв, – и я часто ходил танцевать. Я бросил танцы, когда в моду вошел твист, потому что он оскорбил меня до глубины души: до девушек больше

нельзя было дотронуться! Зачем это тебе, если ты только что открыл подростковую похоть? Близость и интимность, чтобы можно было потрогать, контакт, узнавание, обмен прикосновениями и чтобы меня тоже щупали в ответ – вот что мне было нужно!

Но только в четырнадцать лет, работая в школе верховой езды, я по-настоящему осознал, что хочу и вожделею женщин всех форм и размеров, любого возраста, цвета кожи и религиозных убеждений. И политических предпочтений. Каждое лето в наш курортный городок съезжался весь Ливерпуль и весь Манчестер. Студенты приезжали на каникулы и брали лошадей в нашей школе. И девочки-гайды[2] тоже приезжали скопом каждый год – вся шайка, с палатками и прочим снаряжением. За ними приглядывали аж две вожатых – ха! Кого они хотели обмануть? Мы собирались во что бы то ни стало добраться до этих девочек, даже если бы для этого потребовалось влезть в водолазные костюмы! И девочки явно были настроены так же. Они очень хотели учиться, и мы очень хотели учиться, и вместе мы научились. Уж поверьте, мы выучили все до последней ноты.

Я устроился на работу в школу верховой езды, потому что любил лошадей. Я и сейчас их люблю. Мы хорошо проводили там время, потому что лошади возбуждают женщин. В лошади есть сексуальная сила. Женщины особенно любят

---

[2] Girl Guides – движение девочек, основанное лордом Баден-Пауэллом по образцу созданного им же ранее движения бойскаутов.

ездить верхом без седла, и дело не в том, о чем вы подумали. Мне кажется, это чтобы непосредственно ощущать тело животного. Седло делает это невозможным, особенно английское седло. А еще дело в том, что лошади очень сильные. Лошадь на самом деле может сделать с тобой все, что захочет, но она этого не сделает, потому что это, за редкими исключениями, спокойные животные. Они тебе поддаются. Я думаю, женщинам именно это и нравится в лошадях – это очень сильные существа, которые подчиняются тебе и не дают сдачи, даже не пытаются отстоять свои права. Правда, посуду они не помоют, но это небольшая плата.

Я был влюблен в Энн. Она была на пять лет старше – в таком возрасте это огромная, непреодолимая разница. Но я до сих пор помню, как она выглядела: очень высокая – одни ноги, нос как будто сломанный, но она была очень привлекательна. Правда, она встречалась с очень некрасивым парнем. Я не мог этого понять. Однажды я случайно увидел, как они трахаются на конюшне, и вышел на цыпочках, бормоча под нос: «Господи». Но самая смешная история про этих девочек-гайдов произошла с моим приятелем по имени Томми Ли.

У Томми была одна рука – он был электриком и однажды дотронулся до какого-то провода, до которого дотрагиваться не следовало, и электричество буквально спалило ему руку до бицепса. Пришлось отрезать ему и то, что оставалось, и зашить плечо. С тех пор он стал не такой, как раньше: часто

прислушивался к чему-то, чего никто кроме него не слышал. В общем, у него была фальшивая рука, на которую была натянута черная перчатка, – он цеплял ее за пояс или совал в карман. И вот однажды ночью мы с ним вдвоем пробрались к девочкам-гайдам. Проползли под изгородью, продрались сквозь заросли дрока… но в четырнадцать лет тебе наплевать, да? Чего только не сделаешь ради девчонки. Мы забрались туда, и я со своей цыпочкой пошел в одну палатку, а Томми со своей в другую. Стало тихо – только пружины скрипели. Потом я немножко задремал – обычное дело, мне было так хорошо и приятно (почему я до сих пор так и делаю!). А потом меня разбудил шум:

– (*хрясь*) Ой! (*хрясь*) Ой! (*хрясь*) Ой! (*хрясь*) Ой!

Я осторожно выглянул из палатки и увидел Томми – он бегал как сумасшедший, совершенно голый, с одеждой под мышкой. А за ним по пятам гналась разъяренная вожатая и била его по голове его же собственной рукой! Я так смеялся, что и меня поймали! Я не мог шевельнуться, не мог убежать, я был совершенно беспомощен. Ничего смешнее я в жизни не видел.

Я открыл для себя секс раньше, чем рок-н-ролл: надо понимать, что первые десять лет моей жизни рок-н-ролл еще не существовал. Был Фрэнк Синатра, Розмари Клуни и How Much Is that Doggie in the Window?[3] – эта песня была на вер-

---

[3] Песня Боба Меррилла, более всего известная в оригинальном исполнении американки Патти Пейдж (1953). Однако в Великобритании было более попу-

шине чартов чуть ли не несколько месяцев! Рождение рок-н-ролла я наблюдал собственными глазами. Первым я услышал Билла Хейли – думаю, это была песня Razzle Dazzle. Затем были Rock Around the Clock и See You Later Alligator. Его группа The Comets была вообще-то так себе, но никого другого не было. К тому же в Уэльсе с музыкой было сложно – можно было поймать «Радио Люксембург», но ловилось плохо. Звук то появлялся, то пропадал, и приходилось все время крутить ручку, чтобы принимать сигнал. И было невозможно узнать, что именно играет: они объявляли песню в самом начале и больше уже не повторяли, и если пропустишь первые пять-восемь тактов, то все. Я несколько месяцев не мог идентифицировать песню What Do You Want to Make Those Eyes at Me For? Emile Ford and the Checkmates. (Этот парень, Эмиль Форд, потом куда-то подевался. У них было пять хитов в Англии. Он был на гребне успеха, а потом случился скандал: его поймали на том, что он брал деньги за автограф, и это его потопило. The Checkmates некоторое время пытались играть без него, но у них ничего не вышло.)

Если же ты хотел купить пластинку, надо было ее заказать и ждать целый месяц. Моей первой пластинкой, на 78 оборотов, была запись Томми Стила – «британского Элвиса», а потом я купил Peggy Sue Бадди Холли. Моя первая долгоиграющая пластинка – The Buddy Holly Story, я купил ее

лярно исполнение английской певицы по имени Лита Роза – именно ее версия заняла 1 место в британских чартах в том же 1953 году.

вскоре после того, как он погиб. Я даже был на его концерте – в танцевальном зале New Brighton Tower. Вот какой я старый – я видел живого Бадди Холли! Зато никто не усомнится в том, что я настоящий рок-н-роллщик!

Я далеко не сразу обзавелся пластинкой Элвиса Пресли – первой я купил Don't Be Cruel. У него был классный стиль, и выглядел он классно, он был уникальным артистом, но с моей точки зрения он уступал Бадди Холли и Литл Ричарду. Его проблема была в дурацких би-сайдах[4]. А альбомы в то время были не то, что сейчас: просто собирали на одну пластинку последние, скажем, шесть хитов с би-сайдами. В результате те альбомы Элвиса наполовину состоят из дерьма. Он начал делать хорошие би-сайды, только когда записал I Beg of You. А Бадди Холли, насколько я знаю, не записал ни одного плохого трека. Еще моим кумиром был Эдди Кокрэн. Он работал на одной студии в Голливуде, и если кто-нибудь из клиентов заканчивал свою запись на час раньше, он мигом занимал освободившуюся студию и за этот час записывал свою песню. И он сам сочинял и продюсировал свою музыку. Он был первым, кто стал так делать: очень изобретательный парень. Я собирался сходить на его концерт, когда он был в британском туре, но как раз тогда он попал в автокатастрофу неподалеку от Бристоля и погиб. Я помню, что сильно горевал. Это была большая трагедия для рок-н-ролла. Кокрэн и Холли – из-за них я и начал играть на гитаре.

---

[4] Би-сайд – песня на оборотной стороне сингла.

Я решил взяться за гитару отчасти из-за музыки, но процентов на шестьдесят или даже больше – ради девушек. К концу учебного года я обнаружил, что гитара притягивает девиц как магнит. Неделю после экзаменов ты сидишь в классе, делать совершенно нечего, и один парень принес гитару. Он не умел играть, но его немедленно окружили девушки. Я подумал: о, кажется, тут можно поразвлечься! Дома на стене висела старая мамина гавайская гитара – она играла на ней в детстве, а ее брат играл на банджо. Незадолго до того гавайские гитары были очень популярны – это были лэп-стилы с плоским грифом и высокими ладами[5]. Мамина гитара была очень красивой, с перламутровой инкрустацией. Мне повезло – в 1957 году мало у кого была гитара.

Я притащил ее в школу. Я тоже не умел играть, но, конечно, меня тут же окружили девицы. Это правда сработало, причем мгновенно! Я больше никогда в жизни не видел, чтобы что-нибудь сработало так же быстро. С тех пор моя жизнь бесповоротно изменилась. Как я сообразил со временем, девушки ждали от меня, чтобы я играл на этой штуковине, и я научился, хотя на маминой гавайской гитаре струны стояли так высоко, что это было довольно мучительно.

Когда мне было пятнадцать лет, мы с классом поехали в Париж, а я как раз разучил Rock Around the Clock. И однажды ночью я играл ее три часа подряд, причем чуть не отхватил себе указательный палец выкидным ножом, который не

---

[5] На лэп-стил-гитаре (lap steel guitar) играют слайдом, положив ее на колени.

желал меня слушаться. Я залил гитару своей кровью, и девчонки решили, что это невероятно круто. Как воин из племени сиу, который идет в заросли и убивает медведя голыми руками: тут примерно то же самое. Круто пролить кровь ради женщины!

Тем временем мать с отчимом прекрасно знали, как я провожу время. Тут и думать было нечего – девицы шли непрерывным потоком. Я превратил гараж в свое логово и водил девушек. Отчим врывался туда, чтобы застукать нас: он делал это так часто, что это было уже смешно. Наверное, он был вуайеристом.

– Ты в курсе, что лежишь на этой девушке? – орал он.

– Да, я знаю, что лежу на этой девушке, мать твою! – отвечал я. – И как ты только догадался?

Вскоре после той поездки в Париж меня исключили из школы. Мы с двумя друзьями прогуливали уроки. Мы сели в поезд и на целый день уехали на другой конец острова, а вернулись так, чтобы успеть на школьный автобус, развозивший нас по домам. Но судьбе было угодно, чтобы два ублюдка из другого класса засекли нас на платформе и все разболтали. Ябеда всегда найдется, да? Меня вызвали к директору. Это был полный придурок и бездельник. Думаю, его сделали директором школы просто потому, что для магистранта он был слишком стар. Две недели подряд он вызывал меня к себе на переменах и во время ланча, пытаясь меня расколоть.

– Тебя видели два мальчика из Холихеда[6], когда поезд повернул назад, – говорил он мне.

– Это был не я, сэр, – упорствовал я. – Я там никогда не был.

Вот когда я научился врать. Дисциплина учит тебя врать, потому что скажешь правду – и ты в дерьме. В общем, не буду утомлять вас долгим рассказом: в конце концов он решил отхлестать меня тростью по рукам, два удара по каждой. Напоминаю, это было вскоре после поездки в Париж и того несчастного случая с выкидным ножом. Рана ужасно долго не заживала. Вы, наверное, знаете, сколько крови при таких порезах, чуть ли не при каждом ударе сердца: бу-бум – и кровь хлещет через всю комнату! Из меня тогда, наверное, целая пинта вытекла. Поэтому я попросил:

– Можно ударить меня четыре раза по одной руке, из-за пальца?

Но нет, его это не устраивало. Он невозмутимо встал, велел мне поднять руку и херак! Фонтан крови. И он такой, как ни в чем не бывало:

– Подними другую руку.

Ну ты и ублюдок, подумал я. И когда трость опустилась мне на руку, я ее вырвал и дал ему этой тростью по башке. Он в ярости воззрился на меня:

– Думаю, излишне объяснять, что твое присутствие здесь больше не требуется.

---

[6] Крупнейший город на Англси.

– Я и не собирался возвращаться, – ответил я и с этими словами вышел.

Но он был прав, в школу я не вернулся, и они так и не смогли доказать, что я прогуливал. Мне все равно только полгода оставалось. Родителям я не стал говорить: каждое утро я уходил из дома, как будто шел в школу, а вечером возвращался. Это время я проводил на конюшне, возился на берегу моря с лошадьми, а потом сменил пару работ. Сначала устроился маляром к одному мужику, он был гей, его звали мистер Браунсворд («коричневый меч» – лучшее имя для гея, просто идеальное!). Но ко мне он не лез. Его интересовал мой миловидный приятель Колин Пэрвис, что меня совершенно устраивало. Я им не мешал:

– Мистер Браунсворд, Колин будет работать здесь, а я пойду на второй этаж, хорошо?

А Колин бормотал под нос: «Вот сволочь!»

Потом мы стали работать на материке, в Конуи – в горах. Там я научился быть в одиночестве и получать от этого удовольствие. Я бродил по полям в компании овчарок. Я и теперь не против побыть один. Многие находят это странным, но я думаю, что это круто.

Вскоре отчим устроил меня на фабрику стиральных машин Hotpoint. Каждый рабочий делал только одну деталь. Я стоял в начале конвейера: берешь четыре латунных гайки, прикручиваешь их к этой штуке, а затем станок херачит сверху и делает в них сбоку бороздку. Затем ты снимаешь

эти гайки и бросаешь их в большой ящик. Надо было сделать 15 000 штук, а когда ты заканчивал эту партию и у тебя появлялось чувство, что ты чего-то достиг, у тебя все отбирали и давали снова пустой ящик. Умный человек не может делать эту работу. Это невозможно: сойдешь с ума на хер. Не знаю, как все эти люди умудрялись так работать. Думаю, они просто подавляли свой ум, чтобы кормить семью.

Все мои знакомые, которые уехали из дома в поисках чего-то получше, вернулись потом обратно. У меня были другие планы на жизнь. Так что я отращивал волосы, пока меня не уволили с фабрики. Я не вернулся. Лучше подохнуть с голоду, чем вернуться туда. Это большая, исключительная удача – что я смог сбежать от такой жизни.

Глава 2. Ветер в голове

Мне был нужен товарищ, и он нашелся тут же – его звали Минг, как императора из комиксов про Флэша Гордона. У Минга были длинные волосы и длинные висячие усы, прямо как у императора. Мы с ним стали зависать в кофейнях и танцевальных залах, приставать к чужим девушкам и вообще наводить шороху!

Поразвлекавшись так некоторое время, мы решили, что нам нужно принимать наркотики (а мы и не знали толком, что это за хрень), и связались с моим знакомым еще с Англси – Робби Уотсоном из Бомариса (этот городок также знаменит отлично сохранившимся замком). Раньше Робби жил в Манчестере, и он носил очень длинные волосы, что для нас было Очень Круто и Важно. Мы начали понемногу курить траву, а потом однажды – дело было в кофейне «Венеция» в Лландидно – Роб вручил мне ампулу спида (гидрохлорид амфетамина) с изображением черепа и костей. Это полагалось вколоть в руку.

Я никогда не испытывал желания что-то себе колоть и по сей день ни разу в жизни этого не делал. Сам этот ритуал с иглой засасывает. Люди начинают делать странные вещи, я своими глазами видел: например, колются обычной водой, просто как предлог воткнуть себе иглу в руку. Роб кололся, и он настоятельно советовал мне делать так же. Но я вылил

содержимое ампулы себе в чашку – кажется, там был шоколад – и выпил.

За стойкой в этой кофейне работала девушка – я часов пять болтал с бедняжкой без умолку. Я постоянно оборачивался к Робби и сообщал ему, что эта штука на меня никак не действует, а потом возвращался к несчастной девушке, с которой от моего трепа случилось что-то вроде солнечного удара, – но чувствовал я себя превосходно, как властелин земного шара. К сожалению, это чувство потом проходит. (А Робби Уотсон, мой лучший друг в течение многих лет, человек с блестящим, тонким, ироничным чувством юмора, двадцать лет назад умер – перестарался с иглой. Вопросы есть?) Но вернемся к моей дружбе с Мингом.

Мне было шестнадцать, когда мы с Мингом уехали из Уэльса и отправились на восток, в Манчестер. Мы поехали туда за двумя девушками, которых встретили в Колуин-Бей, они проводили там каникулы. Мы думали на них жениться и все такое. Но, конечно же, дело, как обычно, ограничилось сексом. Уверяю вас, для них это только к лучшему.

Не помню, как звали девушку Минга, а мою звали Кэти. Классная, пятнадцать лет, к тому же она была из тех пятнадцатилетних, которые полны любопытства и жажды жизни. И вот они вернулись в Стокпорт, а мы с Мингом поехали за ними. Мы сняли квартиру на Хитон-Мур-роуд и постоянно знакомились с кем-нибудь, кому было негде переночевать, так что мы пускали их спать на полу, на диване или еще где-

нибудь, и через месяц нас в одной комнате было уже тридцать шесть человек! Я из них сейчас помню только одного, по имени Мозес – он и правда был похож на Моисея, если верить кино с Чарлтоном Хестоном.

Потом Кэти забеременела… Она, конечно, была чудесная девушка, но ей же было всего пятнадцать – я уже видел себя за решеткой! Ее отец писал моему отчиму письма, в которых называл меня валлийским битником в изгнании. Они вдвоем нашли, как говорится, *целесообразное* решение, и нашего ребенка Шона сразу же усыновили. Я помню, что Кэти прямо в роддоме писала экзаменационные работы, а я ее навещал. Ее сильно разнесло, и я вываливался из автобуса, хохоча: «Привет, свинка!», и она тоже хохотала. Да, моя первая любовь оказалась замечательной девушкой. Потом мы больше не виделись, не знаю почему. Но два-три года назад, как нарочно для этой книжки, Кэти нашла меня. Она сказала, что разыскала Шона, но я не буду вдаваться в подробности: пусть он спокойно живет своей жизнью.

Из квартиры на Хитон-Мур-роуд нашу компанию из тридцати шести человек, конечно, скоро вышвырнули – хозяину, наверное, не понравился счет за газ на двести тысяч фунтов. Бесстрашный Минг, Искатель Приключений, вернулся в Уэльс (и стал потом клерком в конторе социального страхования – а меня еще убеждают, будто в жизни есть какой-то план и смысл…), и я остался один.

Во время моей истории с Кэти и еще пару лет после я был,

как это тогда называли, «доссером» – популярное в то время занятие для молодых парней. Мы все носили поношенные американские армейские куртки из водонепроницаемой ткани, с двойной подкладкой. Такую куртку можно было купить очень дешево, и всем твоим знакомым полагалось расписаться на ней фломастером, и ты носил на себе эти странные автографы. Мы ездили по стране автостопом и ночевали у девушек, либо спали в железнодорожных вагонах на запасных путях, в пещерах и так далее – и навещали местных женщин. В те дни было круто быть «в дороге»[7]. Это было время Боба Дилана – с гитарой и спальником за спиной. Многим девушкам нравится непостоянство. Если подумать, это целая традиция: бродячие цирки, армии, пираты, рок-группы на гастролях – девушки их всегда как-то находят. Мне кажется, они видят что-то романтичное в таких парнях, которые сегодня здесь, а завтра там. Мне тоже это нравится – но ведь я и сам мужик, так что как иначе? Прекрасное время – начало шестидесятых. Мы отращивали волосы до задницы и, где бы ни оказались, били баклуши и жили за счет женщин. Девицы приносили нам еду, стыренную из родительского холодильника: как будто им надо накормить человека, сбежавшего из тюрьмы. Им нравился драматизм ситуации, а нам нравилась еда.

Впрочем, такая жизнь не всегда была легкой и веселой.

---

[7] Кавычки, надо думать, отсылают к одноименному роману Джека Керуака (изд. 1957) – классике литературы битников.

Иногда, когда я голосовал на дороге, водители останавливались нарочно, чтобы меня отметелить. Или тебя подбирает огромный дальнобойщик-гомосексуал:

– Здорово, сынок. Куда едешь?

– В Манчестер.

– В Манчестер, ага. Я хочу у тебя отсосать.

– Я, пожалуй, выйду прямо здесь.

Квартира в Хитон-Мур была похожа на будущие коммуны хиппи. Если к кому-то приходила девица, было тяжко. В темноте тебя окружали широко раскрытые глаза, и ты знал, что ночное зрение у них от раза к разу становится лучше! Секс в те дни был веселее – не то что теперь, когда с ним связано столько стремных вещей. Секс должен быть в радость, чтобы тебя не припечатывали: «Ах, тебе только одного и нужно!» Ну да, а тебе?! Когда секс больше не в радость, просто не надо им больше заниматься, ей-богу.

Все мы ходили попрошайничать на площадь Мерси-сквер и потом делились друг с другом добычей. Питались мы главным образом сливочным рисовым пудингом «Амброзия». Мы пробивали банку, как будто там было пиво, и высасывали пудинг. Это был тогда настоящий деликатес, причем холодным он был гораздо вкуснее. Кажется, с тех пор я и полюбил холодную еду: могу есть холодные стейки, холодные спагетти – даже холодную картошку-фри, а на это не всякий способен! Но если хорошенько ее посолить, получается съедобно.

Манчестер находится недалеко от Ливерпуля, и в начале шестидесятых в этих двух городах играли потрясающую музыку. И там, и там течет река Мерси, поэтому всю эту сцену назвали мерси-бит. Была даже известная группа, которая так и называлась – The Merseybeats, и была группа The Mersey Squares, названная по той самой площади, где мы побирались. В Манчестере и Ливерпуле было несколько сотен групп, и все они играли одни и те же двадцать песен: Some Other Guy, Fortune Teller, Ain't Nothing Shaking but the Leaves on the Trees, Shake Sherry Shake, Do You Love Me[8]… В 1961–1963 годах все группы были кавер-группами, включая The Beatles.

Делом чести было знать исполнителя оригинальной версии песни: знавшие ужасно гордились своим превосходством и смотрели на остальных сверху вниз. Скажем, разогревающая группа объявляет: «Сейчас мы сыграем Fortune Teller, песню The Merseybeats», но потом на сцену выходят The Merseybeats и говорят: «Мы хотели бы сыграть Fortune Teller Бенни Спеллмена». Конечно, долго это продолжаться не могло, они ведь только что взяли и сообщили всей публике, чья это песня, да? Еще группы часто брали какую-нибудь старую песню и делали из нее рок-н-ролл. Rory Storm and the Hurricanes, как я помню, здорово оторвались с песней

---

[8] Исполнители оригинальных версий этих песен: Ричи Бэррет (Richie Barrett), Бенни Спеллмен (Benny Spellman), Эдди Фонтейн (Eddie Fontaine), The Contours (две последние).

Beautiful Dreamer[9], а The Big Three сделали Zip-A-Dee-Doo-Dah![10]

Это было уникальное время, и у нас было несколько по-настоящему фантастических групп. Например, Johnny Kidd and the Pirates. Джонни Кидд носил повязку на глазу и полосатую рубашку с пиратскими сапогами. Иногда он появлялся в белой рубашке с пышными рукавами – шикарный наряд. У Пиратов я впервые в жизни увидел на концерте стробоскоп – правда, настоящего стробоскопа у них не было, поэтому они проворачивали нехитрый трюк: их техник пробирался к рубильникам и очень быстро выключал и включал свет. Гитаристом у них был Мик Грин, замечательный музыкант: я таскал его гитары, чтобы попасть на концерт бесплатно. Много лет спустя я записал с Миком сингл. Такие одиночки, как он, в то время не могли сделать себе имя. Эрику Клэптону повезло – то, что он был сам по себе, в его случае сработало: все хотели его заполучить. А до других таких одиночек людям и дела не было!

Еще одна прекрасная группа – The Birds (не путать с американцами The Byrds, которые начинали примерно тогда же). У них играл Ронни Вуд, который потом стал гитаристом The Rolling Stones. The Birds были просто волшебны, охери-

---

[9] Песня Стивена Фостера (опубл. 1864), которую часто использовали в фильмах (например, в «Унесенных ветром», 1939) и пели поп-певцы, например, Бинг Кросби и Джерри Ли Льюис.

[10] Номер из диснеевского музыкального фильма «Песня Юга» (1946) (музыка: Элли Врубель, слова: Рэй Гилберт).

тельно прекрасны, и они опередили свое время. Они выпустили только три сингла и пропали. Я ездил за ними чуть ли не по всей стране и даже спал у них в фургоне. Группа, в которой я в то время играл (The Motown Sect, о ней я скоро расскажу), однажды имела честь выступать с ними. Я до сих пор помню состав The Birds: пел там Эли Маккензи, на гитарах – Рон и Тони Манро, Пит Макдэниелс на барабанах и Ким Гарднер на басу. У Кима теперь паб/ресторан The Cat & Fiddle в Голливуде. Он был прекрасным басистом, но уже почти не играет. В The Birds все были красавчики, и Ронни был очень харизматичным, особенно в те дни. Он щеголял в коричневом твидовом костюме в елочку и двухцветных ботинках, и у него был белый «Телекастер» – это было очень круто. Они были как моды, только с длинными волосами, и мне это нравилось, потому что сам я никогда не стригся.

В Англии всегда было очень важно, как ты выглядишь. Новые увлечения быстро сменяли друг друга. Моды были странными типами, по крайней мере, с моей точки зрения. У них были очень короткие волосы, зачесанные на бок – как у Джона Кеннеди, но с прядью сзади, похожей на петушиный хвост. Они носили штаны из очень тонкой материи в рубчик, пиджаки тропических расцветок с яркими принтами и двухцветные ботинки. Ближайшим аналогом в Америке были, наверное, The Beach Boys, но в Англии не было серф-культуры – это было очень городское явление. И еще моды красили глаза – особенно парни. В моей тусовке их не лю-

били, но теперь очевидно, что они были ничем не хуже нас. Мы считали их неженками, а они нас неотесанной шпаной, и знаете – все были правы.

Мне повезло познакомиться с кучей прекрасных музыкантов в самом начале их и моей карьеры. Одним из них был Джон Лорд. Джон Лорд был и остается великолепным музыкантом. Он потом играл в Deep Purple, Whitesnake и Rainbow[11], а когда мы с ним встретились, он играл в группе The Artwoods, а пел в ней, можете себе представить, чувак по имени Арт Вуд! Что еще интереснее, Арт Вуд был братом Рона Вуда, но обо всем в свое время.

На набережной в Лландидно был огромный паб, настоящий дворец, под названием «Вашингтон», и у них на втором этаже был танцевальный зал, где проводили рок-н-ролльные концерты. Потом они стали делать вечера джаза и блюза. У них выступал Грэм Бонд с Джинджером Бейкером и Диком Хекстолл-Смитом, The Downliners Sect, джазмен Алан Скидмор и вот однажды – The Artwoods.

Я болтался там, разглядывая их небывало крутую аппаратуру и слушая концерт: я решил, что играют они очень неплохо; снисходительный вердикт взыскательного критика из северного Уэльса! В общем, после концерта я разговорился с Джоном Лордом, и они предложили подбросить меня до Колуин-Бея. Уверен, Джон жалел об этом всю оставшую-

---

[11] По-видимому, ошибка автора: в Rainbow Лорд не играл, в отличие от своих коллег по Deep Purple – Ричи Блэкмора, Роджера Гловера и Джо Линн Тёрнера.

ся жизнь! Он по глупости дал мне свой адрес в Уэст-Дрейтоне, под Лондоном, и недели через три я пустился в дорогу. Он же Невозможно Крутая Супер-Звезда, значит, у него имеется гигантский особняк – может быть, он разрешит мне поселиться в комнате для прислуги и познакомит с другими Невозможно Крутыми Супер-Звездами, с которыми я и сам смогу попытать счастья, и т. д., и т. п.

Увы, эти мечты пошли прахом. По полученному мною адресу оказался обычный муниципальный дом. Я завалился туда в три часа ночи, потрезвонил дверным молоточком и поколотил в звонок. Дверь открыла милая старушка:

– Кто там?

– Это я, – говорю я, – э-э, Лемми из северного Уэльса.

– Кто-кто?

– Джон Лорд узнает меня. Он дал мне этот адрес.

– Ох, голубчик, он на гастролях в Дании!

Почему я не предвидел такую возможность? Молодой был и безмозглый – вот почему.

– Ах вот что, – сказал я.

Она смотрит на меня. Я смотрю на нее.

– Э-э… – сказал я. Молчание становилось все более неловким.

И тогда она – вот кто был настоящей звездой в ту ночь – произнесла слова, за которые я ей вечно буду благодарен:

– Ну ладно, неважно, ты можешь поспать на диване, а утром видно будет.

В нашем дивном новом мире такое редко услышишь!

Проснувшись, я первым делом увидел Рона Вуда с тремя приятелями – он склонился надо мной и говорит:

– Эй, ты что делаешь на мамином диване, а?

Значит, эта старушка была миссис Вуд, мать Рона и Арта, а Джон жил у них. Вот так совпадение! Вечером я попал на концерт The Birds, а потом отправился в Санбери-на-Темзе, но об этом позже.

В то время главной группой были The Beatles – тут и спорить не о чем. Они были лучшей группой в мире. Ничего подобного больше никогда не будет, и чтобы понять мои слова, надо было видеть это своими глазами. Теперешняя молодежь думает, что The Beatles были просто группой, но это не так. Они были всемирным феноменом. Из-за The Beatles все изменились – даже политики. Лондонская газета Daily Mirror каждый день посвящала целую полосу их делам. Только представьте себе: газета, которую читают по всей стране, каждый день посвящает целую полосу какой-то рок-группе! У них была настоящая слава, и это еще мало сказано.

The Beatles совершили революцию в рок-н-ролле и еще в том, как можно выглядеть и одеваться. Теперь это смешно, но для своего времени у них были очень длинные волосы. Я помню, как поразился: «Ого! Как у парня могут быть такие длинные волосы?» На самом деле они просто зачесывали волосы вперед, а сзади они свисали чуть-чуть ниже воротника. А у всех тогда были коки. Пока не пришли The Beatles, были

только «утиные хвосты» и Элвис.

Мне повезло: я слышал их живьем в начале их карьеры в клубе Cavern в Ливерпуле. Они были очень веселые, они пели, одновременно поедая сырные роллы, и много хохмили. У них было умопомрачительное чувство юмора. Они вполне могли бы стать комической труппой. И у них были диковинные гитары, мы таких никогда не видели. У Джона был Rickenbacker, а у Пола бас-гитара в форме скрипки. У нас у всех были «стратокастеры», это был предел мечтаний, «гибсонов» ни у кого не было. А Джордж, Бог его прости, играл, кажется, на гитаре Höfner Futurama. Потом у него были «гретчи». У всех просто челюсти поотвисали. Такие необычные парни – с длинными волосами и необычными гитарами, и они щеголяли без пиджаков – просто рубашки и галстуки! Все остальные носили жуткие строгие костюмы и задыхались в этих ужасных итальянских пиджаках с десятью пуговицами. Эти парни стали откровением.

А еще The Beatles были жесткими ребятами. Брайан Эпстайн отмыл и причесал их для широкой публики, но они уж точно не были неженками. Они же из Ливерпуля, а это как Гамбург в Германии или Норфолк в штате Виргиния – суровый город портовых рабочих и матросов: не так посмотришь, и тебя измелят в хлам. Ринго вообще из Дингла, а это район не лучше Бронкса. The Rolling Stones – маменькины сынки, студенты из пригородов Лондона. Конечно, они потом помыкались в Лондоне, но это нарочно, для репута-

ции. Роллинги мне тоже нравились, но им было далеко до The Beatles – до их юмора, оригинальности, до их песен и манеры подавать себя. У роллингов только и было, что Мик Джаггер, пляшущий по сцене. И, конечно же, Stones записывали прекрасные пластинки, но живьем они были дерьмо, а The Beatles были крутые.

Помню один их концерт в Cavern. Как раз тогда Брайан Эпстайн стал их менеджером. Все в Ливерпуле знали, что Эпстайн гей, и кто-то из публики выкрикнул: «Джон Леннон пидор!» А Джон – он всегда выступал без очков – положил гитару и спустился в толпу: «Кто это сказал?» Парень отвечает: «Это я, мать твою». Джон подходит к нему и ХЕРАК! – делает ему «ливерпульский поцелуй»: головой в рожу, причем еще и дважды! Тот так и осел на пол, в каше из крови, соплей и собственных зубов. Джон поднялся на сцену.

– Еще кто-нибудь? – спросил он. Тишина. – Отлично. Следующая песня – Some Other Guy.

The Beatles проложили путь всем группам из своих мест. Это было как в Сиэтле в начале девяностых – пришли рекорд-лейблы и подписали все, что шевелится. Фирма Oriole Records устроила прослушивание в одном танцевальном зале, оно длилось целых три дня. Они поставили какой-то аппарат, семьдесят групп сыграли по одной песне, и чуть ли не половина этих групп получила контракты.

Эпстайн работал и с другими составами, не только с The Beatles. Почти все его подопечные чего-то добились, но неко-

торым не повезло – например, группе The Big Three. На басу у них был Джонни Густафсон, который потом играл в группах Quatermass, Andromeda и The Merseybeats[12]. Гитаристом в The Big Three был великолепный Брайан Гриффитс по прозвищу Грифф, он играл на старой потрепанной гитаре Höfner Colorama – ужасный инструмент, гриф толщиной с бревно, но играл он просто невероятно. Пел у них барабанщик, Джонни Хатчинсон, а это тогда было неслыханное дело – поющий барабанщик? Ничего себе! Это была отличная ритм-энд-блюзовая группа, но музыкальный бизнес их кастрировал. Они выпустили сингл и гордились им, но успеха он не имел, и тогда им пришлось записать два номера Митча Мюррея – автора целой кучи сиропных поп-песенок (например, он сочинил How Do You Do It? для Gerry and the Pacemakers). Но эти синглы тоже провалились, и Эпстайн отказался с ними работать. Жаль, это была отличная группа.

Пожалуй, можно сказать, что все эти группы были моим «кругом», мы принадлежали к одному поколению (хотя они были на пару лет старше меня). И конечно, все это время я тоже играл в группах. Вы, наверное, уже ждете, когда я об этом расскажу. Я начал играть в любительских группах еще в Уэльсе – все как обычно, но собрать группу в то время было непросто. Например, было практически невозможно обзавестись нормальным аппаратом. Басистом в твоей группе

---

[12] Густафсон потом добился даже большего успеха – как участник Ian Gillan Band и как приглашенный басист на нескольких альбомах Roxy Music.

становился тот, у кого была своя бас-гитара, а хороший ли он музыкант – дело десятое. А уж если у чувака был усилитель, в который могли воткнуться все, место в группе было ему обеспечено. Уровень был самый примитивный. Мне повезло, что у меня была моя гитара Höfner Club 50. Я нашел ее в музыкальном магазине Уэгстеффа в Лландидно. Старику Уэгстеффу было, наверное, сто семь лет. Хороший мужик. Он заправлял магазином по старинке и разрешал начинающим музыкантам покупать инструменты в рассрочку, как бы в надежде на будущий успех: дашь ему пару фунтов, и потом он тебя не дергал. Неудивительно, что он в конце концов прогорел. Потом магазин достался его сыну, и тот его немедленно продал! Кажется, на его месте открылся магазин женского белья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.